

юбиляр приедет из Парижа

Булатов в Третьяковке

Живописных работ Булатова в России осталось очень мало, потому юбилейную выставку составят в основном произведения графики. Знаменитый «Горизонт» останется в парижской частной коллекции и в Москву не приедет.
Эрик Булатов. Горизонт (1971–1972)

Восьмого октября в залах Третьяковской галереи на Крымском Валу впервые открывается выставка Эрика Булатова. Она называется «Живу вижу» и приурочена к семидесятилетию художника

Долгое время причастность к событиям художественной жизни хрущевской поры считалась чуть ли не сертификатом качества. Участие в «бульдозерной» выставке или в экспозиции, которую Никита Сергеевич лично громил в Манеже, становилось почетной строкой в биографии и поводом для повышения цен на более поздние и не всегда более качественные работы. Ретро-показ, устроенный в дни последнего «Арт Манежа» к юбилею давнего разгрома, оказался провальным вовсе не потому, что был непредставительным. Просто многие бывшие эксперименты безнадежно устарели, и даже сами авторы-экспериментаторы смогли убедиться, что выбранная социальная роль — еще не залог художественного качества.

На этом фоне по-прежнему выделяются несколько титанических фигур, одна из них — Эрик Булатов. И хотя его известность давно перешагнула границы отечества, а сам автор подолгу живет во Франции, юбилейная выставка, названная цитатой из стихотворения Всеволода Некрасова, открывается все же в Третьяковке — нашем главном национальном музее. Что вполне объяснимо: генетически Булатов связан с отечественной культурной традицией. В начале творческого пути — учеба в МСХШ и Суриковском институте, участие в благополучных всесоюзных выставках

вроде «40 лет ВЛКСМ», посещение мастерских Фалька и Фаворского. Симптоматично, что упоминание этих имен непременно присутствует в публикациях о художнике — хотя бы и в негативном значении (что, впрочем, на совести авторов). И пусть работы зрелого Булатова внешне бесконечно далеки от творчества его учителей, их присутствие неизбежно проявляется в серьезности намерений автора.

Всего на один вечер в июне шестьдесят восьмого была открыта совместная выставка Булатова и Ильи Кабакова в московском кафе «Синяя птица»; через неделю экспозицию возобновили. Она оказалась поворотной в творческой биографии, обозначила переход в лагерь нонконформизма. В работах Булатова рубежа семидесятых появились атрибуты советской наглядной агитации: лозунги и призывы, иные приметы идеологизированной окружающей жизни. Художник черпал вдохновение в ретушированных фотоснимках и официально-«лирических» почтовых открытках. В брежневскую уже эпоху одна из них стала прототипом хрестоматийно известной картины «Горизонт»: группа людей движется к кромке морского побережья, но безграничная даль — та, где море встречается с небом, — наглухо закрыта полосой орденской ленточки. Кто жил при «бровеносце в потемках», воспримет созданный Булатовым образ времени. Кстати, Эрик Булатов приезжает в Москву не только по случаю вернисажа персональной выставки: на следующий день, 9 октября, он прочтет в музее лекцию «Картина с текстом».

Сергей Сафонов